

По эту сторону СТЕНЫ

Адам Михник: Не является ли рассказ Анджеевского ключом к пониманию того, почему до сегодняшнего дня польско-еврейские отношения так трудны, так ранили для обеих сторон?

Анджей Вайда: "Страстная Неделя" – польская тема по эту сторону стены. Гетто горит. В дом Яна Малецкого, варшавского интеллигента, попадает женщина, его старая знакомая – он случайно встретил ее на улице и предоставил убежище. Ирена входит в его жизнь, неся с собой несчастье. В рассказе ставится тот же вопрос, который задал Ян Блоньский спустя 45 лет в известной статье во "Всеобщем еженедельнике": что происходит, когда бедный поляк смотрит на гетто?

А.М.: Казимеж Выха написал, что в рассказе Анджеевского содержится "трагизм вины невиноватой".

Тадеуш Соболевский: Трагизм варшавской Пасхи 1943 года заключается в человеческом равнодушии. Помощь евреям была почти невозможна. Однако в человеческом равнодушии скрывалось еще и то, что Анджеевский выразил жестокими в своей простоте словами: "вообще евреев мало кто жалел". Даже самые впечатлительные обнаружили в себе биологическое равнодушие, подобное инстинкту самосохранения. Нальковская написала в ту весну в дневнике: "Живу рядом с этим, могу жить". Рассказ Анджеевского, прочитанный в присутствии Ивашкевича и Нальковской уже в июне 1943 года, спустя два месяца после описываемых в нем событий, произвел шокирующее впечатление. Тогда решили, что автор слишком "точно придерживается действительности, не превращая ее в произведение искусства". То есть, не смогли принять правды. А что сегодня? Готовы ли мы эту правду принять?

А.В.: Ян Блоньский во время дискуссии по поводу его статьи рассказывал потрясающую историю – реальное событие времен оккупации. Он шел по улице. По другой стороне, навстречу приближался еврейский мальчик. Было заметно, что мальчик прячется. Мальчик смотрел на меня, – говорит Блоньский, – я смотрел на него. Он знал, что я ему не помогу, а я знал, что пройду мимо. Такие ситуации порождают комплексы, даже агрессию. У нас столько аргументов для оправдания нашей пассивности. Мы можем сказать, что тоже страдали, боролись. Что у нас были причины культивировать свой эгоизм: речь шла о жизни (существовании, выживании) народа. Но все это не успокаивает совесть.

А.М.: Блоньский вызвал бешенство, потому что назвал все своим именем. Исторические реакции на его статью показали – никакая казуистика не может перечеркнуть факта, что во время оккупации среди поляков имели место антисемитские позиции. Достаточно почитать нелегальную прессу и убедиться в этом. Для меня было потрясающим открытием, что Владислав Бартошевский во вступлении к книге "Тот с моей родиной" подверг цензуре обращение Зофии Коссак-Шуцкей: она во имя евангельских принципов призывала поляков помогать евреям и одновременно подчеркивала, что они являются нашими врагами.

Нервность реакции на обвинения в антисемитизме я понимаю. Сам, когда находясь на Западе и слышу: поляки впитали антисемитизм с молоком матери – реагирую очень резко. Объясняя, что обобщения – идиотизм. Но подобный обмен мнениями, надо признать, недалеко ведет.

А.В.: Думаю, если Блоньский вызвал такие бурные реакции, если Анджеевский по сей день будит страсти, то это, вероятно, свидетельствует о нашем обществе хорошо, а не плохо. Ибо те, кто является настоящим, глубокоим антисемитом, вообще не участвуют в дискуссии. Зато тех, кто дискутирует, я готов понять, даже если они на нас рассержены. Они просто настроены на героический образ народа. После премьеры "Канала" я столкнулся с такими же реакциями: ожидалась картина героизма поляков – его в восстании ведь было достаточно. Но я не задавался целью создавать апофеоз. Фильм был о другом – о безвыходной ситуации. Это было оценено, только когда "Канал" получил награду в Канне. Оказалось, что в нем нет насмешки, он служит на благо Польше.

То же касается и вопроса польско-еврейских отношений: можно было сделать

Выборчей", один из лидеров Солидарности Адам Михник и киновед Тадеуш Соболевский.

От переводчика: Будучи в Варшаве в 1995 году, в "Газете Выборчей" я прочел интервью с режиссером Анджеем Вайдой. В нем, по моему мнению и личному опыту, с редкой прямотой обсуждались вопросы, актуальные и сегодня – и не только для Польши.

В 1995 году Анджей Вайда снимал фильм по рассказу Ежи Анджеевского "Страстная Неделя". Рассказ написан в 1943 году как непосредственная реакция на Холокост – это "голос христианина, смотревшего на гетто". Вайда готовился к этому фильму годы. Он считает "Страстную Неделю" самой справедливой вещью, написанной на тему отношения поляков к евреям в период оккупации. С режиссером беседуют главный редактор "Газеты

В.Смулевич

фильм о Владиславе Бартошевском, о всех людях, с риском для жизни спасавших евреев. И наверняка такие фильмы появятся. Однако тревога останется. Мой фильм обращается именно к этой тревоге. И это едва ли не первый польский фильм, говорящий правду на эту тему. С экрана звучат слова, никогда прежде не звучавшие, – мнения поляков о евреях. Они повторяются до сегодняшнего дня, при разных обстоятельствах.

А.М.: Парадокс в том, что за свой фильм о Януше Корчаке, содержащий прекрасное послание братства, ты получил удары от еврейских критиков на Западе. Опасаюсь, что после "Страстной Недели" ты будешь бит с обеих сторон. Но это как раз и означает – ты идешь правильным путем! Как ты будешь реагировать на обвинения в "антипольскости", уже звучавшее в письме Епископата в ответ на твою просьбу разрешить съемки в костеле?

А.В.: Обвинения такого типа повторялись по поводу многих моих фильмов, которые принесли польше тем, что показывали нас миру как людей, способных посмотреть на себя критически, – это является доказательством интеллигентности, великодушия, сознательности. Думаю, что имею полное право сделать такой фильм именно теперь. Положение польского кинематографиста чрезвычайно изменилось. В предыдущие годы общество хотело слышать в голосе художника свой собственный голос. И я чувствовал себя таким голосом. Это давало мне силу, но вместе с тем и смелость в оценке соотечественников. Сегодня нет никаких причин выступать от имени всего общества. Я не должен любить ни пани Пиотровскую, ни пана Пиотровского, дворника из рассказа "Страстная Неделя". Именно их берет под защиту упомянутое письмо, упрекающее меня в том, что я представляю поляков в дурном свете, поскольку они пьют водку в Страстную Пятницу. Добавим к этому, что Пиотровский пытается изнасиловать Ирену, а Пиотровская, ревнуя мужа, выгоняет ее из дома в отсутствие Яна – как еврейку. Я не должен быть вместе с ними только потому, что мы принадлежим к одному поработанному народу.

Это действительно новая ситуация для меня как для режиссера, сделавшего фильм, после которого публика вставала и пела "Еще Польша не погибла" – так было после "Человека из железа".

Т.С.: Раньше, особенно в годы славы "польской школы", ваши фильмы, как писала критика, выполняли терапевтическую роль. Часто это была шоковая терапия, как в случае с "Каналом", "Летной" или "Пеплом". "Человек из мрамора" тоже не был фильмом народного согласия, хотя в каком-то смысле предвещал Солидарность.

А.М.: Я задумываюсь над тем, почему столько твоих фильмов будило неслыханные споры и эмоции. Ведь я знаю тебя как человека, не имеющего полемического задора. Ты скорее предпочитаешь соглашаться со своим собеседником. Когда я писал эссе о тебе, просмотрел еще раз все твои фильмы по порядку. Меня

поразило, что спустя годы споры вокруг них оказываются непонятными. А твоё видение остается.

А.В.: В покоренной стране роль художника была особенной. Не только потому, что он становился голосом общества, но и потому, что дискуссии вокруг его фильмов были следствием политических манипуляций. Так произошло с "Теплом и алмазом". Если бы он появился на несколько лет раньше или позже, не вызвал бы столь бурные дискуссии. Но сложилось так, что в середине 60-х годов, когда он вышел на экран, Мочар и его люди обороняли якобы оплевываемую народную традицию. Предлогом для атаки стал именно "Тепел и алмаз". Напрасно я объяснял, что эту книгу написал не Сенкевич, а Жеромский. Власть был нужен фильм именно по Сенкевичу.

А.М.: Люблю с тобой соглашаться, но на этот раз не соглашусь. Те критики, действительно управляемые, попадали на реальную почву. Если сегодня, в свободной Польше, я могу прочитать те же самые мнения о Милоше или Гомбровиче, которые когда-то создавались по поручению ЦК, то разве это не показывает, что те голоса были выражением какой-то болезни общества? Недавно я прочел нападки на одного польского писателя, которого в 68-м году атаковали в той же газете, теми же словами.

А.В.: Если мои фильмы выжили, то, может быть, потому, что я, наверное, был политически наивным. Не был ангажирован какой-либо фракцией. Чувствовал – это не мое дело. Я сам до конца не осознавал своей роли. Как я теперь понимаю, именно это было спасением. Мне удавалось вести диалог с обществом поверх голов власти. Я понял еще нечто важное: поводом для создания фильма не могут быть только тема, только сведение счетов с людьми или со взглядами. Это нечто захватывающее само по себе, видение. В противном случае становишься лишь политическим спекулянтлом. Роль художника иная.

Т.С.: Вернемся к "Страстной Неделе" и к высказыванию Анджеевского: "вообще мало кто евреев жалел"... Эта горькая правда является не конечной целью, а исходным пунктом фильма. Что означает это равнодушие? Оно умнее всех героев. Оно имеет свою тайну, но не имеет морали.

А.В.: Действительно, рассказ никого не поучает, он бескорыстен. Может, именно в этом его величие?

Когда гетто горело, Ежи жил на площади Красинских. Потом переехал на Белланы. Все, о чем он пишет, видел рядом. Все мнения, высказывания взяты из действительности. Толпа, смотрящая на уничтожение гетто, – такая, какая была, не лучше и не хуже. Люди смотря на убитого человека за стеной. Торговка не может скрыть любопытства, все допытывается: "Где, где?" Кто-то откликается: "Видишь себя, пани, глаз, тогда может, увидишь". И мы не знаем, говорит ли он так из солидарности с теми, кто по другую сторону стены, или просто шутит.

В "Страстной Неделе" речь идет не столько о справедливости, сколько о по-

казе действительности, превосходящей возможности всех участников событий. Ведь чтобы протянуть кому-нибудь руку, приходилось сильно рисковать. На это были способны люди, либо не осознающие опасности, либо люди исключительные, почти святые. А какое общество состоит из святых? Посмотрим на ужасную Пиотровскую, выгоняющую Ирену с криком: "Еврейка! Из-за нее это несчастье!". У нее ребенок, муж, которого она любит; она, как каждый простой человек, боится за то, что имеет, – и трудно отказать ей в определенной правоте. Малецкий думает иначе, но тоже не руководствуется чистым самопожертвованием. С Иреной он связан дружескими обязательствами – она ведь дама из общества. Разве мы знаем, как бы он поступил, если бы это была простая женщина? Если я и ожидаю чего-то от этого фильма, то, быть может, только того, чтобы некоторые зрители сказали себе: не знаю, как бы я поступил в тех обстоятельствах.

Т.С.: А все же Ирена чувствует себя виноватой. Не помогла своему отцу, случайно захваченному немцами. Она выбрала для себя жизнь. Казимеж Брандыс вспоминает о евреях, которые были, как все, пассивными свидетелями уничтожения. Сидя, как он, на арийской стороне, в кафе, и видя пылающее гетто, они говорили: "Это ужасно". У Анджеевского целая панорама позиций в отношении Холокоста, однако ни одна из них не является "позицией целого народа". И именно это – прекрасно, ибо делает невозможным суждение по принципу коллективной ответственности.

Вот герои "Страстной Недели" рассматривают альбом Брейгеля. Там есть картина, представляющая такую же ситуацию – я имею в виду "Крестный путь". Широкий, весенний фламандский пейзаж. Поле – по нему шествует толпа, красочная и спокойная. Люди идут на предстоящее распятие, как на зрелище.

А.В.: Разве на наших глазах не происходит то же самое? Я помню с 1939 года – мне было тогда тринадцать лет – острую боль. Как это возможно? Бросают на нас бомбы, а мир не реагирует! Позволяет делать это! Мир ничему не научился. Позволяет все, если только это будет ему выгодно.

Т.С.: На картинах Возрождения о Страстях Христовых мы видим человеческие лица, полные любопытства или равнодушия, люди не видят жертвы, которая совершается ради них. То же происходит и с героями "Страстной Недели". Все – свидетели Страстей. Только не отдают себе отчета, что гроб Иисуса находится в гетто. Такой вывод я делаю из этого рассказа.

В костеле говорится: мы убили Господа Иисуса. Над нами тяготеет вина. В таком смысле можно говорить о нашей общей вине за смерть евреев. Если так, то где-то должно быть отпущение вины, очищение от нее. Насколько художники могут способствовать этому? Одно определенно: нет отпущения грехов без раскаяния.

А.В.: По моему начальному замыслу в каждый день – действие "Страстной Недели" длится от понедельника до пятни-

Экран и сцена